

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI 10.37386/2305-4077-2024-2-98-115

Е. Л. Яковлева¹

*Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова (Казань)*

ПОНИМАНИЕ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕКА В ТАТАРСКОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В статье анализируется онтологема судьбы человека в татарском фольклоре. В результате исследования выяснилось фатальное отношение татар к судьбе. В качестве ее поддерживающих констант выступают умения человека встраиваться в судьбоносный поток и прогнозировать ситуации, учиться у старших/жизни и трудиться. По мнению татар, хороший нрав и прилежное отношение к трудовой деятельности могут способствовать поддержанию и даже улучшению судьбы человека. Судьбоносное значение при вхождении во взрослую жизнь в прошлые времена имели обряды инициации. Отголоском мужской инициации выступает праздник Сабантуй, на котором юноша получает возможность проявить мужество, силу, ловкость. В качестве девичьей инициации выступает обряд взаимопомощи по обработке гусей.

Ключевые слова: судьба, судьба человека, татарское народное творчество, пословицы, загадки, обряд инициации, Сабантуй, обряд взаимопомощи (каз өмәсе), гусь, волшебная сказка

E.L. Iakovleva

*Kazan Innovative University
named after V. G. Timiryasov (Kazan)*

UNDERSTANDING THE FATE OF A PERSON IN TATAR FOLK ART

The article analyzes the ontology of human destiny in Tatar folklore. The study revealed the fatal attitude of the Tatars to fate. Its supporting constants are the ability of a person to integrate into the life-changing flow and predict situations, learn from elders / life and work. According to the Tatars, a good disposition and a diligent attitude to work can contribute to maintaining and even improving a person's fate. Initiation rites were of crucial importance when entering adulthood in the past. An echo of male initiation is the Sabantuy holiday, where a young man gets the opportunity to show courage, strength, and dexterity. The maiden initiation is a mutual aid rite for processing geese.

Keywords: fate, human destiny, Tatar folk art, proverbs, riddles, initiation rite, Sabantuy, rite of mutual assistance, goose, fairy tale

¹ Елена Людвиговна Яковлева – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (Казань); e-mail: mifoiga@mail.ru.

При рефлексировании над бытием-в-мире (М. Хайдеггер) возникает проблема одной из его онтологем – *судьбы*². Феномен оказывается сложным и многоаспектным, требующим конкретизации и индивидуализации. Он связан с человеческой жизнью и ее событийностью, (пред)заданностью и проявлением свободы, необходимостью и волей. Судьба олицетворяет некое (пред)назначение, которое должен (выявить и) исполнить индивид. К рационализации в понимании судьбы всегда добавляется элемент мистики, связанный с предопределенным, необъяснимым, чудесным, неожиданным. Над осмыслением судьбы люди начали задумываться уже с глубокой древности. Их понимание феномена нашло отражение в народном творчестве (пословицах, поговорках, загадках, сказках и пр.). Необходимо признать, что фольклор редко попадает в область научного интереса философов. Многие метафизические проблемы рассматриваются на основе фундаментальных философских трудов, игнорируя фольклор. В связи с этим объектом изучения становится онтологема *судьбы человека* в татарском народном творчестве.

В научном дискурсе интерес к различным аспектам бытия через призму народного творчества не относится к числу распространенных. Тем не менее, обращаясь к фольклору, ученые затрагивают довольно интересные проблемы. Например, Н. Ц. Манджиев изучает народно-этические представления калмыков о судьбе [Манджиев, 2022], Л. В. Кашлатова описывает судьбу героев на основе фольклорных текстов обских угров [Кашлатова, 2020], С. П. Тюхтенева связывает концепт дороги с судьбой, рассматривая сакральные обряды и ритуалы, посвященные исправлению пути [Тюхтенева, 2018], Н. Е. Украинцева выявляет при анализе образов казачьего фольклора гендерные различия в ценностях казаков [Украинцева, 2019], Э. Э. Сеферова рассматривает мотивы инициации в крымскотатарском сказочном эпосе [Сеферова, 2020], А. В. Верников и А. А. Курышева анализируют через призму пословиц русского народа отношение к долгам и жизни не по средствам [Верников, 2023], Е. Л. Яковлева обнаруживает на основе татарских пословиц и поговорок характерные черты гастрономической культуры этноса [Яковлева, 2021], В. Б. Бакула определяет особенности архетипического образа птицы в сказках кольских саамов (арктического финно-угорского народа) и его роль в качестве помощника в судьбоносных решениях людей [Бакула, 2018], Х. И. Мамисимедиш-

² Здесь и далее курсив наш. – Е. Я. См. о судьбе: Веселовский А.Н. Судьба-доля в народных представлениях славян // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук Т. 46, [№ 1 (1888), № 2–6 (1889)]. С. 173 – 260. – URL: https://rusneb.ru/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050335_123578/; Куприянова Е. В. Мифологема судьбы в верованиях индоевропейских народов: археология, этнография, современность // Челябинский гуманитарий. 2013. №1. (22). С. 106–113; Власкина Н. А. Концепт Судьба в языковой и мифопоэтической картине мира донских казаков: дис. ...канд. филол. наук, 2010: Рыблова М. А. Хранители казачьих кладов: к вопросу о концепции судьбы в русской народной традиции. Ч. 1, 2, 3 // Судьба. Интерпретация культурных кодов. Коллективная монография. Под ред. В.Ю. Михайлина. Саратов: Научная книга, 2004 и др.

вили диагностирует судьбу эпического героя по тайным знакам его внешности [Мамисимедишвили, 2021]. Небольшой перечень работ позволяет заключить, в народном творчестве содержатся истоки многих проблем бытия-в-мире и их решения, что не потеряло актуальности в современности и требует более широкого изучения.

В нашей работе основой для теоретического осмысления онтологемы судьбы человека стали пословицы, поговорки, загадки, сказки и праздники татарского народа. Методами исследования избраны аналитический и герменевтический.

В судьбе оказываются сращенными между собой окружающий мир, народ, человек и событийность его жизни. Как справедливо заметил Г. Гачев, «тип местной природы, характер человека и национальный ум находятся во взаимном соответствии и дополнительности» [Гачев, 2015, с. 4]. Олицетворяемый природой Космос оказывается относительно постоянной константой, питая и воспроизводя национальную целостность. Окружающая людей природа становится источником их *воли к жизни*, в чем заключен «решающий узел проблем: соотношение в национальном – природы, народа, истории, культуры» [Гачев, 2015, с. 15]. Человек является частью природы, но его взаимоотношения с ней оказываются напряженными и сложными. Не только природа воздействует на людей, но и люди на нее. Изначально природа служит источником появления смыслов, которые народ закладывает в свою культуру, встраиваемую в нее.

Благодаря чуткому всматриванию в мир и наблюдательности татары постепенно познавали сезонные особенности природы и климата, поведения животных и птиц, стадии роста деревьев и трав. В соответствии с этим знанием они выстраивали свой уклад жизни и быт, что отразилось в культуре: «Территория проживания татар в основном приходилась на лесостепную зону, где формировалось комплексное хозяйство, включавшее в свой состав растениеводство (земледелие, овощеводство, садоводство), животноводство и промыслы (охота, рыболовство, бортничество, позже пчеловодство)» [Татары, 2001, с. 316]. Природа, тип хозяйствования и человек были в одной судьбоносной цепи. Неслучайно татары символически говорили, «деревня – рот, лес – уши, поле – глаза» [Насыри, 1977, с. 104]. Можно заключить, что природный ландшафт играет роль культурообразующего и культуроформирующего фактора. Как справедливо заключил Г. Гачев, «культура есть прилаженность – человека, народа, всего натворенного ими, выплетенного из себя за срок жизни и историю – к тому варианту природы, который ему дан (к которому он придан, человек и народ, как соответствующая ему порода существ)» [Гачев, 2015, с. 16].

Окружающий мир и *прилаженность* к нему влияют на понимание судьбы человека, формирующееся у определенного народа. Довольно часто в народном творчестве судьба рассматривается через призму природы и хозяйственной деятельности людей. Татары считают, судьба (пред)задана каждому: «что начертано на лбу судьбой, вместе с потом не смахнешь», поэтому «что суждено – то и пе-

реживешь» [Пословицы, 2017, с. 300]. Акцент на *(пред)заданности судьбы* неслучаен. Исследователи Р. Ф. Мирхаев и И. Г. Гумеров указывают на связь слова *судьба* с синонимом «тюрко-татарского происхождения *язмыш*, которое произошло от древнетюркского глагола *jazu* “писать”», что и приводит к «основному значению – “судьба человека, предначертанная, написанная до его рождения”» [Мирхаев, 2017, с. 65].

Судьба определяется человеку сразу после его рождения, в том числе в виде количества отпущенных дней, еды и воды. Смерть воспринимается как неизбежный итог человеческого бытия-в-мире. Неслучайно татары мудро наставляли: «небо не дает – хоть умолай, а землю и просить не надо» [Пословицы, 2017, с. 29]. От судьбы уйти невозможно. Счастья и несчастья идут рука об руку с человеком: «куда ты, туда и твоя черная борода» [Насыри, 1977, с. 108]. Приведенные изречения свидетельствуют о *фатальности* в видении судьбы татарским народом и неспособности человека что-либо изменить в ней. Человек должен принять то, что ему от рождения определено, проявляя терпение и стойкость. Народная мудрость учит, «из одной тучи идет и град, и снег, и дождь», а «кто не вытерпел хорошего дня, не вытерпит и плохого» [Пословицы, 2017, с. 57, 55]. В связи с этим появляется назидание об умении стоически подчиниться судьбе: «что есть, то есть, чего нет, того нет» [Пословицы, 2017, с. 96]. Если судьба не задалась, то татары метафорически обязывали смириться с положением дел: «река мутнеет с истока», «утро невезуче – и вечер невезуч, вечер невезуч – и вовсе не повезло» [Насыри, 1977, с. 107, 104]. Нельзя менять течение и ход судьбы. Необходимо встраиваться в него и учиться в событийности правильно выбирать из всех возможных вариантов. Татары говорили, «каждая птица так летает, насколько крылья позволяют» [Пословицы, 2017, с. 109]. При этом «одной голове двух судеб не дано» [Пословицы, 2017, с. 297]. Человек проживает только то, что предначертано конкретно ему. Нужна определенная рассудительность, чтобы понять и принять данное положение, выдерживая натиски судьбоносных событий.

Для человека судьба всегда представляет загадку: «что будет – неизвестно, что было – то прошло», но «пока есть жизнь, есть и надежда» [Насыри, 1977, с. 110, 113]. Отметим, жизнь есть процессуальный отрезок бытия-в-мире человека, а судьба – (пред)определяющий фактор жизни, влияющий на фундаментальные отношения человека с окружающим миром (природой/обществом/собой), совокупность обстоятельств и последовательность (неотвратимых) событий. Каждый человек должен уважительно относиться к высшим силам (природы/бытия), направляющим/поддерживающим его судьбу, и быть внимательным к судьбоносным знакам. Нередко именно природа дает подсказки к будущему: «если снега много – урожай будет хороший», «туман опускается – плоды созревают», «об урожае судят по стеблю», «тугой колос к земле склоняется, пустой колос кверху устремляется» [Пословицы, 2017, с. 57, 58, 65]. Приведенные изречения неслучайны. Их умозаключения принципиально важны для судьбы человека. Хороший урожай (пусть и на непродолжительный отрезок времени) обеспечит продолжение жизни и гарантирует лучшую долю человеку – он будет сытым.

В татарской народной мудрости мы найдем высказывания как о счастливой, так и несчастливой участи человека: «одному судьба – родная мать, а другому – мачеха» [Пословицы, 2017, с. 298]. Свое понимание счастливого и несчастливостного/горестного удела татары выразили в загадках. О счастливой судьбе они говорили: «на весах не взвесишь, на базарах не найдешь, если не у самого, у людей не купишь» [Загадки, 2013, с. 151]. В данной загадке мы встречаем не только идею о (пред)заданности счастливой участи человеку, но и ее зыбкости. О горестной доле татары говорили: «не соль – горька, не сабля – остра, не огонь – жжет» [Загадки, 2013, с. 151]. Приведенная загадка указывает на неотвратимость горестного состояния человека и его невыразимость. В целом, характеризуя судьбоносное бытие-в-мире человека, народная мудрость указывала: «дебри эти и обманут, и с пути собьют, и на дорогу выведут» [Загадки, 2013, с. 251], что свидетельствует о возможности выбора.

В судьбе человека чередуются радостные и печальные события, будни и праздники, что заставляет его не только переходить от работы к отдыху и наоборот, но и быть бдительным. В татарском народном творчестве великолепно отражена *диалектика бытия*: «кто боится беды, тот не знает благополучия», «кто собирает цветы, тот шипов не боится», «если со слезами посеешь, то обмолотишь с радостью», «пока не познаешь плохого, хорошего не различишь» [Пословицы, 2017, с. 63, 65, 298, 257].

Полная хитросплетений судьба человека не бывает без проблем и трудностей. Каюм Насыри, ссылаясь на народную мудрость, утверждает: «беда не по верхушкам деревьев ходит, а по людским головушкам» [Насыри, 1977, с. 103]. О человеке, попавшем в полосу невзгод, говорили метафорически: «топор в воду уронил» [Насыри, 1977, с. 112]. Нередко человек сам оказывается виновником бед: «не кидай в солнце грязью, сам же и запачкаешься» [Пословицы, 2017, с. 29]. По мнению татар, несчастье множится и притягивает негативное: «Полон дом невзгод, еще и жена – горбунья» [Насыри, 1977, с. 105]. В качестве утешения встречаем изречение: «не бывает всегда все прекрасно», а «после всякого расцвета наступает увядание» [Пословицы, 2017, с. 46]. Перечисленные мысли народа очередной раз подтверждают, что (пред)заданность судьбоносных событий человек должен смиренно принимать, одновременно проявляя смелость и мужество. Татары учили не бояться судьбы: «что такое далеко и близко, знает тот, кто ходил», «кто смотрит издалека, больше видит», «что виднеется – уже не далеко, что поднято – уже не тяжело» [Пословицы, 2017, с. 48, 46]. Постигшие человека неудачи не являются поводом опускать руки: они входят в его жизненный опыт. «Кто сам ушибся – не заплачет», «кто раз обжегся, дует на воду» [Насыри, 1977, с. 104].

Уважение вызывал сдержанный человек, способный скрывать свои печали и заботы: «внутри дугою гнutoю, снаружи – гладкой скатертью», «нутро плачет, лицо смеется» [Насыри, 1977, с. 104]. Зато к баловням судьбы, легко получающим дары бытия-в-мире и небрежно относящимся к ним, мы встречаем неуважитель-

ный оттенок. Довольно часто такой человек («у него все в дом – и в дверь, и в щель» [Насыри, 1977, с. 104]) не ценит того, что достается даром: «не дорога вода, которая течет» [Пословицы, 2017, с. 38].

В течении судьбы важно умение человека прогнозировать ситуацию/будущее, что помогает избежать проблем или минимизировать их. Человек как путник всегда найдет то, что ищет, но он должен помнить: «прежде чем зайти, думай, как выйдешь» или «имей впереди ведущего, сзади защитника» [Пословицы, 2017, с. 167, 47]. Всегда надо заранее задумываться о завтрашнем дне, учитывая ситуационность бытия (например, сезонность года и соответствующие ему работы): «завтрашнее заранее загоди», «сообразно времени создавай уклад жизни», «кто семенное зерно съел – тот съел свои надежды» [Пословицы, 2017, с. 51, 55, 66]. Уже весной необходимо заботиться об осени, а летом – о зиме: «весна глаза тешит, а осень – рот», «летом поработаешь – зимой покушаешь» [Пословицы, 2017, с. 53, 55]. Неслучайно в народной татарской мудрости мы встречаем точные прорицания: «у зимы утроба необъятная», поэтому «о зиме позаботься летом», «весенний день год кормит», «весной посеешь – осенью пожнешь», «богатым будь не осенью, а весной» [Пословицы, 2017, с. 52, 55].

В любой ситуации татарин должен «смотреть вниз – и благодарить (судьбу), смотреть вверх – и думать» [Пословицы, 2017, с. 48]. Судьба как бытие-в-мире заставляет рефлексировать над ситуациями и выносить из них уроки. «Пока есть конь, познавай землю, пока есть еда, познавай людей», но «в счастье не воспаряй, в горе не унывай» [Пословицы, 2017, с. 87, 300]. Испокон веку судьба со стороны человека требовала внимательности, серьезности, заботы и осмысления: «глаза – море», «много знает не тот, кто долго жил, а тот, кто много видел» [Насыри, 1977, 108].

По мнению татар, судьба и ее событийный ряд разворачиваются во времени. Оно *дороже золота* («время купить невозможно» [Пословицы, 2017, с. 56]) и у него *нет вожжей*. У каждого во вселенной, в том числе у природы и человека, свои судьбоносные циклы и ритмы: у всего свое время и все необходимо делать вовремя. «Созревшее яблоко само падает», а «ягоды надо собирать вовремя» [Пословицы, 2017, с. 75]. Человек должен быть чувствителен к протеканию времени, бережно относясь к нему и умело распоряжаясь в судьбоносных ситуациях. Народная мудрость предупреждает, «потерял время – потерял добро», «время что птица: улетит и не вернется», в итоге окажется, что «прошло твое время – ушло твое счастье» [Пословицы, 2017, с. 50].

Судьба связана с движением, а значит – с изменением. «Текущей воде нет преград» [Пословицы, 2017, с. 38], «в движенье камень полируется, лежа – мохом обрастает» [Насыри, 1977, с. 109]. В судьбе необходимо ощутить ее поток: «против течения не поплывешь», «если плыть – то вверх по течению» [Пословицы, 2017, с. 38, 39]. Относительно движения существуют и особые предупреждения. В круговерти жизни «держись от дурного на лет стрелы» [Насыри, 1977, с. 109], «не хвались перед дорогой, хвались после возвращения» [Пословицы, 2017, с. 167].

По отношению к человеку и его судьбе татары говорили, «раз живешь в этом мире, оставь в нем свой след» [Пословицы, 2017, с. 298]. Понимание *следа* у народа связано с проявлениями и деятельностью человека. В этом отношении татары в контексте размышлений о судьбе затронули наряду с онтологическим ракурсом аксиологический аспект проблемы. Судьба связана с деятельной натурой человека, имеющего траекторию своего развития во времени и дающего возможность познать о нем по тому, чего коснулась его рука. В связи с этим татары предупреждают, «трудно быть человеком», «начало счастья – благонаравие», «хороший характер – цветок жизни», а «человек с дурным характером похож на лодку без руля» [Пословицы, 2017, с. 237, 239, 298, 240]. В судьбе человека «щедрость и смелость исходят из одного источника», «доброе намерение – половина богатства», а «для благих дел нет ни утра, ни вечера» [Пословицы, 2017, с. 241, 250].

В народной мудрости находим осознание того, что человеку в его судьбе неоткуда ждать помощи: «погляжу на небо – небо высоко, погляжу на землю – земля жестка» [Пословицы, 2017, с. 31]. Данный факт оказывается импульсом к его проявлениям. Среди качеств личности в судьбоносных ситуациях «ум ценили в сочетании с воспитанностью, силу – в сочетании с талантом» [Пословицы, 2017, с. 236]. Получая судьбоносный опыт и стремясь к цели («старательный мужчина достигнет цели»), человек приобретает почет среди людей, пытаясь закрепить и удержать авторитет: «слава джигита – в его собственных руках», «потерявший доброе имя умирает каждый день», «не предавай доверие», «слава приходит, но, если не справишься с ней, она уходит» [Пословицы, 2017, с. 276, 265, 237, 254, 262]. Отметим, подобные поучения распространялись и на женщин.

С малых лет татарских детей готовили к предназначенной им судьбе и возможности ее улучшения. Несмотря на (пред)заданность, человек должен прилагать усилия для поддержания судьбы и даже попробовать использовать возможности, направленные на повышение ее качества: «любишь яблоки – береги цветы», «удобришь яблоню – будешь есть вкусные яблоки», «вырастить яблоки трудно, а сгноить легко», «если хочешь счастья в старости, не ленись в молодости» [Пословицы, 2017, с. 75, 302]. Для этого приучали детей вставать рано и проводить день в трудовых заботах. В фольклоре находим следующие изречения, связанные с этим: «рано встающий никогда об этом не пожалеет» и «получит удовольствие от своей работы», «основа хорошего урожая – не земля, а пролитый пот», поэтому «день – для работы, ночь – для отдыха» [Пословицы, 2017, с. 51, 65, 53]. Человек славится трудами: «где хорошая работа, там доброе имя» [Пословицы, 2017, с. 155]. Вследствие этого детям с малых лет прививали потребность в труде, который нередко бывает изнурительным и напряженным. Но «тяжелая работа калачом кормит» [Поговорки, 2017, с. 154]. Необходимо «трудиться, чтобы был результат» [Пословицы, 2017, с. 155]. Только работа и качество ее выполнения приносят плоды: «непосеянное зерно не взойдет», «не будешь резвым на весеннем севе – будешь стонать во время жатвы», «земля, политая потом, бывает плодородной», «у плохого сеятеля и хлеба плохие», «на гумне полно стогов – в кармане полно денег», «сделать раз, но как следует», а «повторно сде-

ланная работа послужит уроком» [Пословицы, 2017, с. 265, 67, 66, 155]. В любом деле необходим опыт и сноровка: «не узнав норова скотины, не подходи к ней» [Пословицы, 2017, с. 84]. Но в обучении младшие должны быть внимательны к советам старших: «птенец в полете делает то, чему научился в гнезде», «кто не слушает старших, тот не достигнет своей цели», «если теленок ходит впереди матери, его съест волк», «кто у мастера не учится, хорошей работе не научится», поэтому «сначала сам научись, потом других поучай» [Пословицы, 2017, с. 108, 302, 99, 159]. Добро, связанное с обучением у старших, требуется ценить и помнить: «Не сломай рога корове, которая подходит к тебе с мычанием» [Пословицы, 2017, с. 97]. В обучении необходимо проявлять старание, а не лень. В итоге «венец труда – богатство» со сладкими плодами («хоть работа горька, еда сладка») [Пословицы, 2017, с. 156].

В воспитании и образовании у татар обнаруживается гендерное различие, что принципиально для судьбы человека. Мальчикам прививали готовность к разного рода опасностям и тяжелым нагрузкам. Девочку обучали умению вести домашнее хозяйство, воспитывать детей, проявлять покорность и мягкий нрав. Для прошлых эпох характерен такой важный социальный институт, как *обряд инициации*. Он был «одним из институтов, свойственных родовому строю» и «совершался при наступлении половой зрелости» [Пропп, 2000, с. 39]. Цель инициации – научить взрослой жизни, приобщить к ценностям этноса, сформировать практически-хозяйственные навыки, проводя подростков через испытания. Благодаря инициации они после обучения переходили на новую ступень развития, становясь полноправными членами взрослого общества. Возможно, у предков современных татар были подобные обряды инициации. Прямых сведений о них пока не найдено, но в качестве опосредованных источников выступают татарский национальный праздник Сабантуй и обряд взаимопомощи по обработке гусей – *каз өмәсе*, а также пословицы, поговорки, загадки и сказки.

Так, в праздничных состязаниях Сабантуя обнаруживаются отголоски древнего обряда инициации, связанного с вхождением молодых людей во взрослую жизнь. Вспомним строчки из татарского эпоса «Идегей»:

*В шесть – он ловким стал ездоком,
В семь – он сделался метким стрелком,
В восемь – силачом знаменитым стал,
В девять-десять – джигитом стал [Идегей, 1990, с. 21]³.*

Традиции Сабантуя «с древности были направлены на выработку у молодежи сноровки, храбрости, физической выносливости – словом, на обновление рода, увеличение его мощи и богатства, и это соответствовало идее возрождения природы, усилению ее созидательных потенций» [Шарафутдинов, 2012, с. 108].

³ Здесь характерные для эпоса гиперболизация, уменьшение сроков, установленных в нормативной инициации. У славян был закреплён перечень навыков, характерных для определённого возраста, образ богатыря в любом фольклоре всегда создается так, по такой модели.

В основе праздника и его состязаний лежала грандиозная судьбоносная идея вечности жизни и продолжения человеческого рода путем преемственности. Неслучайно на празднике устраивались состязания аксакалов и детей, что олицетворяло эстафету поколений. Участвуя в соревнованиях, молодые люди показывают свою ловкость и силу, что вуалировано свидетельствует об их желании создать семью и способность защищать ее. Сабантуй имеет для юношей судьбоносное значение, играя роль проверки мужских качеств, а в последующем – их закрепления и подтверждения. Сабантуй способствовал репутации мужчины в обществе, а также созданию семьи.

Несколько иной характер имела инициация у татарских девочек. Опосредованным примером тому служит волшебная сказка «Дикий гусь». Она избрана нами неслучайно. У татарского народа *гусь* относится к числу тотемных птиц. Татары боготворили как диких, так и домашних гусей, которые были одомашнены из диких птиц. Тот факт, что они были водоплавающими, наделяет их сверхъестественными свойствами: гуси свободно перемещались по земле, воде и воздуху (даже домашние гуси летают, хотя невысоко и недалеко). Гусь олицетворяет смену времен года. Дело в том, что дикий гусь мигрирует и это совпадает с солнечным циклом: весной он прилетает с юга, а осенью – улетает в теплые края. «Гуси прилетят – весна наступит», а весна для людей – *мать родная* [Пословицы, 2017, с. 51]. В этой примете по птицам народ выражает надежду на обновление жизни и наступление тепла. Прилетевшие птицы сразу начинают гнездиться и выводить потомство. Гусыня, высиживая яйца, не отходит от них, что позволяет говорить о ней как идеальной матери. Гусь воинственно охраняет ее, вытягивая шею и шипя при малейшей опасности: «когда гусыня сидит на яйцах, гусак рядом приплясывает» [Пословица, 2017, с. 117]. Птица обладает храбростью, кидаясь на защиту своего семейства. При необходимости «гусь щиплет утку» [Пословицы, 2017, с. 118]. Гусь берет под опеку всех членов своего семейства, проявляя заботу и защищая от неблагоприятного. Он никогда не бросит раненого и не оставит, выбившегося из стаи. Гусь трудолюбив, а гусыня заботится о своем потомстве. «Гусыне, у которой гусята, корма не достается» [Пословицы, 2017, с. 117]. Пример гусиной семьи стал символическим прообразом татарской семьи. Моногамность гусей и особенности их поведения у татарского народа вызывали ассоциации с семьей и домашним очагом, привязанностью и нежностью, мужеством и верностью. Отметим, одиночество татарами порицалось. Для них семья была одной из высших ценностей. В народной мудрости встречаем предупреждение: «одинокый гусь станет пищей для вороньей стаи» [Пословицы, 2017, с. 117]. В изречении «одинокый гусь голоса не подает» [Пословицы, 2017, с. 118] символически выражена идея отсутствия продолжения рода у такого человека.

В татарских семьях всегда разводили много гусей, желая таким образом заручиться поддержкой тотемной птицы. Татары говорили, «пусть и маленький, но гусь» или «держи своего гуся за ногу», то есть береги его [Пословицы, 2017, с. 121]. Именно гусь был предметом зависти и вождления: «чужая курица гу-

сем кажется» [Пословицы, 2017, с. 253]. Ценность птицы выражена в следующих изречениях: «возьмешь утку, отдашь гуся» [Насыри, 1977, с. 107] или «дал утку – получил гуся» [Пословицы, 2017, с. 121]. Смысл суждений заключается в следующем: подарок должен быть дороже того, что принял.

С весны до осени гуси пасутся в округе, а с наступлением морозов их закалывают. Неслучайно в осенне-зимний период особой популярностью у татар пользуется праздничный обряд взаимопомощи по обработке гусей – *каз эмәсе*. Данный обряд, в котором обнаруживаются элементы инициации, имеет судьбоносное значение для девушек. Он позволяет им показать свои навыки по обработке гуся, а если брать шире – по умению вести домашнее хозяйство. Обработывая птицу, девушка должна проявить сноровку, проворство, чистоплотность, уважение к старшим/дому. С раннего утра начинаются работы по обработке гуся. Они сопровождаются пением песен, разговорами и шутками. Обработанных гусей на коромыслах несут к водному источнику, где их моют. Чаще всего девушек в прошлые времена сопровождали юноши с гармонью. Молодые люди приглядывались друг к другу. Особенно ценились у татар такие женские качества, как трудолюбие, хозяйственность и здоровье, благодаря чему девушка могла не только продолжить род, но и быть хорошей работницей. Именно *каз эмәсе* как праздничный обряд с отголосками женской инициации выступал в качестве судьбоносного события, позволяющего девушке-татарке войти в мир взрослых, познакомиться с молодым человеком и выйти замуж.

Необходимо признать, что девушки практично подходят к гусиной продукции. Ничего не пропадает. Мясо и жир идут в пищу. Гусиные пух и перо используют в домашнем хозяйстве: из них делают подушки, перины, кисточки для сковороды или промасливания блинов/пирогов («свекрухин белый платок в топленое масло уронишь» [Загадки, 2013, с. 215]). Гусиное крыло раньше становилось веником и основой письменной принадлежности – пера. Удивительно, но даже гусиный помет татары используют в домашнем хозяйстве. Он считается одним из ценных видов удобрения почвы, укрепления иммунитета растений и улучшения их плодородия, потому что содержит в себе органику и микроэлементы. Неслучайно татары о гусином помете сложили загадку: «Ханская дочь за водой шла, браслетки наземь уронила» [Загадки, 2013, с. 116]. В приведенной загадке мы встречаем, во-первых, указание на высокое положение птицы у татарского народа и в хозяйстве – *ханская дочь*, во-вторых, – ценность всего, что с ней связано (в нашем примере гусиный помет олицетворяют браслеты с руки ханской дочери).

Сакрализация тотемной птицы привела к тому, что в народном творчестве (пословицах, поговорках, загадках, сказках) мы не найдем частого упоминания гуся/гусыни и даже обнаружим факт укрывания именованной тотемной птицы. Дело в том, что имя есть у всего сущего: «и к вещам приклеилось, и к миру приклеилось, и к тебе приклеилось, и ко мне приклеилось», оно «в огне не горит, в воде не тонет, в земле не гниет» [Загадки, 2013, с. 153]. Но именование священ-

ного, к чему относился и тотем, тщательно оберегалось. В древних традициях знание имени способно было открыть доступ к тотему и присвоить его магическую силу. Поэтому тотем тщательно оберегался и не раскрывался Другим, не относящимся к конкретному роду/этносу. Наиболее ярко это отразилось в загадках, в которых речь табуировалась. Исследователь Х. Махмутов отмечает, «в некоторых случаях загадки создавались в виде расшифровки тайного смысла мифа, с тем, чтобы во время ритуала инсценировать процесс проникновения человека в тайны природы, особенно в секреты мироздания» [Загадки, 2013, с. 12]. Сама загадка излагалась в замысловатой, но короткой форме, в которой приводился портрет, умалчиваемого объекта (в нашем контексте – гуся): «зданье белое, столбы красные», «в воде плавает, в воздухе летает, на земле бегаёт, мясом угощает» [Загадки, 2013, с. 115]. Или приведем пример трогательного кодирования татарами в загадках образа гусенка: «на воде желтая пена», «по зеленому ковру желтый клубочек катится» [Загадки, 2013, с. 115]. Вуалируя речь о священной птице, татары тем самым желали, чтобы она была в их домашнем хозяйстве, способствуя привлечению удачи и благополучия в семью.

В волшебной татарской сказке «Дикий гусь», уходящей корнями в первобытность этноса, мы встречаемся с отголосками инициации, историей судьбы женщины и объяснением обряда *каз өмәсе*, связанного с тотемной птицей. Подчеркнем, ни в бытовых, ни в волшебных сказках татар гусь не выводится в качестве главного персонажа. Данная сказка является исключением, что очередной раз свидетельствует о сакральности птицы и укрывании информации о тотеме. Сама сказка выступает в качестве *табуированного, священного рассказа* (В. Пропп), являющегося осколком мифа. На закодированный обряд женской инициации указывает «схема посвящения – страдания, смерть, воскресение» [Элиаде, 1994, с. 122], которая связана с приобщением к священному, смерти и сексуальности, что обнаруживается в сказке. Сюжет сказки демонстрирует все этапы обряда инициации. Так, передлиминальный этап сопряжен с отделением героини от общества, лиминальный – характеризуется приобщением к смерти, постлиминальный – олицетворяет возрождение и бытийствование в новом социальном статусе [Сеферова, 2020].

В сказке «Дикий гусь» в сжатом виде раскрывается судьба женщины через событийный ряд, в котором демонстрируются ее взаимоотношения с окружающим миром, семьей (отцом и мачехой), любимым мужчиной и ребенком. Ко всему окружающему миру героиня проявляет приязнь. Как истинная татарка она «была очень работающая, умелая: и хлебы пекла, и белье стирала, всякую работу делала» [Волшебные сказки, 2008, с. 199]. Но ее взаимоотношения с мачехой были негативными: «мачеха ее постоянно обижала» [Волшебные сказки, 2008, с. 199]. Именно неприятие падчерицы оказывается истоком козней мачехи, связанных с принесением вреда, а также выступает в качестве инициационных испытаний, благодаря которым девушка становится любящей женой, а потом и заботливой матерью.

Согласимся с В. Проппом, считавшим, что «сказка имеет какую-то связь с областью культов»: в ней «сохраняются следы очень многих обрядов и обычаев», а «многие мотивы только через сопоставление с обрядами получают свое генетическое объяснение» [Пропп, 2000, с. 9, 10]. Другое дело, ввиду сакральности и секретности тотема, потери на протяжении истории этноса многих мифов, в сказке мы встречаем не прямую отсылку к обряду, а его переосмысленное содержание. Осуществляется переосмысление обряда путем деформации мотивировки и изменения форм ее подачи. Как справедливо подчеркивает В. Пропп, «термин “переосмысление” удобен в том отношении, что он указывает на происшедший процесс изменений» и «доказывает, что в жизни народа произошли некоторые изменения, и эти изменения влекут за собой изменение и мотива» [Пропп, 2000, с. 11].

В контексте наших рассуждений о судьбе человека в сказке «Дикий гусь» неявно демонстрируется культ тотемной птицы татар и важность поклонения ей. Волшебное превращение молодой матери в дикого гуся неслучайно. Таким образом, она сохранила свою жизнь, прошла через испытания (в том числе, разлуку с близкими людьми) и получила возможность оберегать своего ребенка. При этом мачеха сыграла роль *Бабы-яги* татарского народа, помогающей пройти обряд инициации, в чем усматриваются элементы матриархата. Именно мачеха, уезжая на свадьбу, поручила оставшейся дома падчерице «выполнить разного рода работу: испечь хлеб, постирать, вымыть пол, сварить еду» [Волшебные сказки, 2008, с. 199]. Как правило, после подобной изоляции как запрета покидать дом и испытаний (передлиминальный этап инициации) следует свадьба девушки, что и произошло согласно сюжету сказки «Дикий гусь». Нарушение запрета повлекло за собой одновременно счастье и несчастье для девушки: она вышла замуж, но козни мачехи на этом не прекратились.

Следующая попытка навредить молодой женщине и ее мужу была связана с приглашением в гости. Неожиданно в ход событий вмешалась старуха, любившая девушку. Обратим внимание, что здесь мы очередной раз встречаемся с элементами матриархата. Инициационными практиками героини руководят две женщины – мачеха (воплощение зла) и старуха (олицетворение добра), что позволяет ей познать диалектику бытия-в-мире. Старуха предупредила молодую женщину: «не ешь пищу, которую перед тобой поставят» [Волшебные сказки, 2008, с. 200]. Благодаря совету молодая семья избежала трагедии. Именно «еда, угощение непременно упоминаются не только при встрече с ягой, но и со многими эквивалентными ей персонажами», и «приобщившись к еде, назначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру умерших» [Пропп, 2000, с. 49].

Третье испытание молодой женщины, ставшей матерью, связано с ее временной смертью: «После родов ее навестила мачеха», затопила угарно баню, «стала сильно веником охаживать», в итоге «падчерицу вовсе силы покинули», «обернулась она голубкой и вылетела в отдушину» [Волшебные сказки,

2008, с. 201]. Здесь мы встречаемся с характерной чертой сказки – *оборотничеством* (олицетворение магической перемены облика персонажа, временного превращения с последующим возвратом к первоначальному (подлинному) виду [Неклюдов]. Как считает В. Пропп, «функция птицы всегда только одна – она переносит героя в иное царство» [Пропп, 2000, с. 140]. Переправой в волшебной сказке «Дикий гусь» выступают и банная труба, и птица. Они перемещают героиню в иной мир, благодаря чему женщина изменяет свой онтологический статус (лиминальный этап). При этом смерть в обряде инициации олицетворяет «высшее посвящение, начало нового духовного существования», где страдания, смерть и последующее воскресение, связанные между собой, являют «три момента одного таинства» [Элиаде, 1994, с. 122]. Временному умиранию в сказке с последующим воскресением сопутствует приобретение особых, магических свойств. Прохождение через банную трубу подобно прохождению через огонь. Он обладает обновляющей силой, что ведет к благу, возрождая человека и его душу.

В татарской волшебной сказке мы встречаем дарителей-помощников. И среди них не только старуха-советчица, но и корова. Благодаря ей, девушка смогла устроить свою жизнь – выйти замуж за сына падишаха. Именно корова выполнила за девушку работы по хозяйству, когда она оказалась в изоляции: «тряхнула она одним рогом – хлебы испеклись. Вторым рогом тряхнула – печка побелилась, полы вымылись. Передней ногой потрясла – появились красивые наряды, второй ногой подергала – появились красивые башмачки» [Волшебные сказки, 2008, с. 199]. В приведенном эпизоде также имеют место отголоски тотемизма, где «единство между человеком и животным заменяется дружбой между ними» [Пропп, 2000, с. 129].

Старуха-советчица после превращения героини в птицу начала помогать ее мужу. Именно она сказала мужчине, что «твоя жена – не колдунья» и «летает в стае с дикими гусями» [Волшебные сказки, 2008, с. 201]. По научению старухи мужчина смог вернуть себе жену, вырвав во время кормления ребенка из гусяного оперения одно перо. В этом жесте заключен следующий смысл: перо гуся дает власть над ним. Здесь гусяное перо выступило в функции волшебного предмета, предотвратившего окончательное превращение героини в дикого гуся и ее миграцию в стаю. Возвращение женщины в общество соответствует логике сказочного сюжета. Проходя через иной мир в обряде инициации, героиня вновь оказывается среди живых людей. Благодаря этому молодая семья вернулась домой, «живет и радуется и по сей день» [Волшебные сказки, 2008, с. 202]. Гусь как тотемная птица не только спас женщину от реальной смерти, но и способствовал через приобщение к своей энергии возвращению героини в лоно семьи (постлиминальный этап).

Приведем еще один обращенный мотив сказки «Дикий гусь». Он связан с принесением жертвоприношения (в нашем случае – в виде молодой матери как женщины, способной давать потомство). Возможно, такая жертва ради

плодородия земли «делалась при начале посева и должна была способствовать произрастанию растений» [Пропп, 2000, с. 11] и/или после сбора урожая в качестве благодарения высших сил за выращенные дары природы. Изначально уклад жизни народа требовал подобного жертвоприношения. Но позже оно было переосмыслено и заменено принесением в жертву тотемной птицы (гуся) с последующим его вкушением (теофагия).

Более того, превращение молодой женщины в птицу есть вуалированный образ души умершего человека, улетающего в небо. Смерть является смысловым ядром обряда инициации. Как справедливо заключил В. Пропп, в сказке «следы представлений о смерти» связаны с «обрядом посвящения юношества при наступлении половой зрелости», и «одно без другого не может быть рассмотрено» [Пропп, 1998, с. 119]. На образ души умершего указывает и значение слова *дикий*, как характеристика гуся, то есть *вольный, свободный*, вновь вернувшийся в природу и чуждающийся людей. Но душа умершего, несмотря на свободу, оказывает действенное покровительство живущим: проявляя бдительность, она оберегает от невзгод и способствует продолжению жизни. В этом высвечивается еще одно значение слова *дикий* как *сильный и действующий самостоятельно*.

В целом, волшебная сказка «Дикий гусь» передает нам в осколочном виде представления древних татар о судьбе женщины. Мы встречаем в сказке множество мотивов, связанных с судьбой татарки: девичий обряд инициации, сакральную связь женщины с миром мертвых и тотемной птицей, оказывающей ей помощь, «обмен жизненной энергией с тотемом, через имитацию смерти и воскресения» [Сеферова, 2020]. Гусь у татар оказывается покровителем судьбы женщины, влияя на ее брак и хозяйственную деятельность. Подчеркнем, «композиционное единство сказки кроется не в каких-нибудь особенностях человеческой психики, не в особенности художественного творчества, оно кроется в исторической реальности прошлого»: «то, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, чего не делали, представляли себе» [Пропп, 2000, с. 309]. В сказке произошла профанация сакральных для этноса смыслов, что превратило ее в художественное повествование. Отметим, частично сказка «Дикий гусь» объясняет сакральность и смысл дошедшего до нас праздника *каз эмэсе*. В нем происходит приобщение женщины к тайнам народа в виде знания тотемной птицы, демонстрация хозяйственных навыков, олицетворяющих обряд поклонения тотему и получение его покровительства, жертвоприношение, а также заявление о себе как женщины.

В заключении выделим следующие моменты. Интерпретация татарского народного творчества помогает реконструировать некоторые аспекты прошлого народа, его ментальности и особенностей бытия. Онтологема судьбы человека в народной мудрости носит индивидуально-экзистенциальный характер, демонстрируя различные модусы взаимодействия человека с окружающим миром. В народной мудрости татар можно обнаружить фатальное понимание

судьбы и предзаданности хода ее событий. Судьба имеет как счастливую, так и несчастливую направленность. Но при этом счастье довольно зыбко. Многие идеи о судьбе человека в народной мудрости метафоричны и связаны с природой и хозяйственным укладом жизни этноса. Несмотря на предзаданность судьбы, татары приучают детей к труду и хозяйственным работам, умению переносить невзгоды, осуществлению благих дел, что может улучшить их участь. Судьбоносное значение для подрастающего поколения несут обряды инициации, имеющие разные гендерные модусы и направленность: у мальчиков они формируют выносливость, силу, ловкость, а девочкам прививают способности к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей.

Изучение фольклора ставит новые проблемы для научно-теоретических исследований (в области философии, культурологии, антропологии и пр.) и позволяет в дальнейшем проанализировать другие онтологемы, связанные с судьбой человека, в том числе случайности, счастья/несчастья, удачи и пр. Более того, онтологеме судьбы человека, представленную в фольклоре, можно сравнить с мусульманским пониманием бытия, проанализировать в контексте экологического мышления людей прошлых эпох, ощущающих свою связь с природой и осмысляющих себя в качестве ее части. Накопленная веками мудрость народа не потеряла актуальности и в наши дни. Современный человек задумывается над своей судьбой и пытается решить ее загадки. И в этом ему может помочь народное творчество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бакула, В. Б.** Архетипический образ птицы в сказках кольских саамов (в записях XIX–XX вв.) / В. Б. Бакула // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – № 2. – С. 18–35.
2. **Верников, А. В.** Отношение к жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках / А. В. Верников, А. А. Курышева // Экономическая социология. – 2023. – № 3. – С. 33–57.
3. **Гачев, Г.** Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира / Г. Гачев. – Москва: Академический проект, 2015. – 511 с.
4. **Идегей.** – Казань: Татарское книжное изд-во, 1990. – 256 с.
5. **Кашлатова, Л. В.** Судьбы людей в текстах фольклорного сборника «Песни тетушки Анны из рода Шишки» / Л. В. Кашлатова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4 (83). – С. 318–319.
6. **Мамисимедишвили, Х. И.** Тайные знаки внешности героя в эпосах кавказских народов / Х. И. Мамисимедишвили // Вестник Северо-Восточного федерального ун-та имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2021. – № 2. – С. 23–32.
7. **Манджиев, Н. Ц.** О своеобразии национального сознания в картине мира калмыков / Н. Ц. Манджиев // Кочевая цивилизация: исторические исследования. – 2022. – № 1. – С. 45–58.

8. Мирхаев, Р. Ф. Татарская религиозно-языковая картина мира: эволюция культурных и духовно-ценностных ориентиров / Р. Ф. Мирхаев, И. Г. Гумеров. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 120 с.

9. Насыри, К. Избранные труды / К. Насыри. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1977. – 256 с.

10. Неклюдов, С. Ю. Оборотничество / С. Ю. Неклюдов // Мифы народов мира: онлайн энциклопедия. – URL: <https://www.peoplesmyths.com/o/oborotnichestvo.html> (19.01. 2024).

11. Пропп, В. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. – Москва: Лабиринт, 2000. – 336 с.

12. Пропп, В. Морфология волшебной сказки / В. Пропп. – Москва: Лабиринт, 1998. – 512 с.

13. Сеферова, Э. Э. Генезис и функции инициальных мотивов в крымскотатарском сказочном эпосе / Э. Э. Сеферова // Филология: научные исследования. – 2020. – № 2. – С. 50–57.

14. Татарское народное творчество. Волшебные сказки. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2008. Т. 2. – 447 с.

15. Татарское народное творчество. Загадки. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2013. Т. 4. – 367 с.

16. Татарское народное творчество. Пословицы и поговорки. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2017. Т. 6. – 366 с.

17. Татары. – Москва: Наука, 2001. – 583 с.

18. Тюхтенева, С. П. «Черный аркан моего отца». Дорога от предков к потомкам в алтайской культуре / С. П. Тюхтенева // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 4. – С. 174–199.

19. Украинцева, Н. Е. Фольклор казаков Южного Зауралья: гендерные социокультурные ценности / Н. Е. Украинцева // Всероссийский конгресс фолклористов. – 2019. – С. 208–219.

20. Шарафутдинов, Д. Р. Семейные и календарные обычаи и обряды татар / Д. Р. Шарафутдинов, Р. Б. Садыкова. – Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2012. – 352 с.

21. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – Москва: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

22. Яковлева, Е. Л. Татарская гастрономическая культура через призму пословиц и поговорок / Е. Л. Яковлева // Этническая культура. – 2021. – № 2. – С. 43–47.

REFERENCE

1. Bakula, V. B. Arhetipicheskiy obraz pticy v skazkah kol'skih saamov (v zapisjah XIX–XX vv.) / V. B. Bakula // Problemy istoricheskoy pojetiki. – 2018. – № 2. – С. 18–35.

2. **Gachev, G.** Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira / G. Gachev. – Moskva: Akademicheskij proekt, 2015. – 511 s.

3. **Idegej.** – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 1990. – 256 s.

4. **Jeliade, M.** Svjashhennoe i mirskoe / M. Jeliade. – Moskva: Izd-vo MGU, 1994. – 144 s.

5. **Kashlatova, L. V.** Sud'by ljudej v tekstah fol'klornogo sbornika «Pesni tetushki Anny iz roda Shishki» / L. V. Kashlatova // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – 2020. – № 4 (83). – S. 318–319.

6. **Mamisimedishvili, H. I.** Tajnye znaki vneshnosti geroja v jeposah kavkazskih narodov / H. I. Mamisimedishvili // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo un-ta imeni M. K. Ammosova: Serija Jeposovedenie. – 2021. – № 2. – S. 23–32.

7. **Mandzhiev, N. C.** O svoeobrazii nacional'nogo soznanija v kartine mira kalmykov / N. C. Mandzhiev // Kochevaja civilizacija: istoricheskie issledovanija. – 2022. – № 1. – S. 45–58.

8. **Mirhaev, R. F.** Tatarskaja religiozno-jazykovaja kartina mira: jevoljucija kul'turnyh i duhovno-cennostnyh orientirov / R. F. Mirhaev, I. G. Gumerov. – Kazan': IJaLI, 2017. – 120 s.

9. **Nasyri, K.** Izbrannye trudy / K. Nasyri. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 1977. – 256 s.

10. **Nekljudov, S. Ju.** Oborotnichestvo / S. Ju. Nekljudov // Mify narodov mira: onlajn jenciklopedija. – URL: <https://www.peoplesmyths.com/o/oborotnichestvo.html> (24.09.2023).

11. **Propp, V.** Istoricheskie korni volshebnoj skazki / V. Propp. – Moskva: Labirint, 2000. – 336 s.

12. **Propp, V.** Morfologija volshebnoj skazki / V. Propp. – Moskva: Labirint, 1998. – 512 s.

13. **Seferova, Je. Je.** Genezis i funkcii inicial'nyh motivov v krymskotatarskom skazochnom jepose / Je. Je. Seferova // Filologija: nauchnye issledovanija. – 2020. – № 2. – S. 50–57.

14. **Sharafutdinov, D. R.** Semejnye i kalendarnye obyčaji i obrjady tatar / D. R. Sharafutdinov, R. B. Sadykova. – Kazan': Glavnoe arhivnoe upravlenie pri Kabinete Ministrov RT, 2012. – 352 s.

15. **Tatarskoe narodnoe tvorcestvo.** Volshebnye skazki. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 2008. T. 2. – 447 s.

16. **Tatarskoe narodnoe tvorcestvo.** Zagadki. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 2013. T. 4. – 367 s.

17. **Tatarskoe narodnoe tvorcestvo.** Poslovicy i pogovorki. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 2017. T. 6. – 366 s.

18. **Tatary.** – Moskva: Nauka, 2001. – 583 s.

19. Tjuhteneva, S. P. «Chernyj arkan moego otca». Doroga ot predkov k potomkam v altajskoj kul'ture / S. P. Tjuhteneva // Sibirskie istoricheskie issledovanija. – 2018. – № 4. – S. 174–199.

20. Ukraineva, N. E. Fol'klor kazakov Juzhnogo Zaural'ja: gendernye sociokul'turnye cennosti / N. E. Ukraineva // Vserossijskij kongress fol'kloristov. – 2019. – S. 208–219.

21. Vernikov, A. V. Otnoshenie k zhizni ne po sredstvam v russkih posloviceh i pogovorkah / A. V. Vernikov, A. A. Kuryшева // Jekonomicheskaja sociologija. – 2023. – № 3. – S. 33–57.

22. Jakovleva, E. L. Tatarskaja gastronomicheskaja kul'tura cherez prizmu poslovic i pogovorok / E. L. Jakovleva // Jetnicheskaja kul'tura. – 2021. – № 2. – S. 43–47.